

щение Руси, правление Ярослава Мудрого и основание Москвы. И литераторы официозного направления неоднократно обращались к подобным темам. Напротив, передовые писатели старательно избегали всего того, что могло служить апологией идеи государственности. Поэты пушкинской эпохи — как сами декабристы, так и те, кто лишь косвенно соприкасался с декабристским движением, — искали в древнерусской истории героя-патриота, в образе которого они могли бы дать эстетическое преломление своих идеалов.

В создании образа древнерусского героя поэты могли опереться на литературные и отчасти на фольклорные традиции, которые помогали им и при стилистической обработке произведения. Древнерусская литература непосредственно или в переработанном виде в «Истории государства Российского» Карамзина предоставляла различные возможности изображения эпического развития действия, которое в свою очередь обуславливалось жанровой структурой соответствующих произведений. Устный народный эпос древнего времени не сохранился в полном виде, тем не менее отзвуки старых героических песен и сказаний можно обнаружить в летописях и в некоторых повествовательных произведениях. Говоря о воздействии народно-эпического стиля, мы отнюдь не ограничиваем его только сферой языка и стиля, но видим его в самом создании образа человека-героя. Устный народный эпос в трансформированном виде продолжал существовать и в форме былин, так что поэты пушкинской поры на основании фольклора могли перерабатывать народно-эпические импульсы, проецируя их на прошлое своей страны. В этом смысле характерен жанр поэмы-сказки с его смешением исторических и фольклорных элементов.

От народно-эпического стиля ясно отличается агиографический стиль, рисующий нам совершенно иначе облик человека. Мы находим его прежде всего в литературе житий, но иногда он обнаруживается и в летописании, и мы не вправе оставить без внимания то обстоятельство, что религиозно-повествовательные приемы могли использоваться и в светской литературе и что поэты пушкинской эпохи опирались в этом отношении на традицию, идущую от сентиментализма и сохранившуюся в романтизме при изображении определенных аспектов действительности без какой бы то ни было религиозной тенденции. Образ человека народно-эпического стиля в наиболее чистой форме представляет собою «героя». В агиографическом же стиле человеческие образы поляризуются: «святому» противопоставляется «злодей».³ Такое расщепление на ярко выраженные крайности соответствует (как, между прочим, в другом отношении, и гиперболизм народно-эпического стиля) тяготению романтиков к необычным героям в необычных ситуациях.

2. Героические образы с гражданско-воспитательным содержанием

Героический образ человека в летописях создавался под влиянием народной эпики, что определило особый интерес к нему революционных романтиков. С X в. летописное повествование выдвинуло на передний

³ О понятиях народно-эпического и агиографического стилей и их влиянии на метод повествования древнерусских летописей см.: И. П. Еремин, «Повесть временных лет» как памятник литературы. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси